

Арминута

Автор:

Донателла Пьетрантонио

Арминута

Донателла Ди Пьетрантонио

Это история девочки-подростка, в один день потерявшей все... Первые тринадцать лет своей жизни она провела в обеспеченной семье, с любящими мамой и папой – вернее, с людьми, которых считала своими мамой и папой.

Однажды ей сообщили, что она должна вернуться в родную семью – переехать из курортного приморского городка в бедный поселок, делить сумрачный тесный дом с сестрой и четырьмя братьями. Дважды брошенная, она не понимает, чем провинилась и кто же ее настоящая мать...

Донателла ди Пьетрантонио

Арминута

Пьерджорджо, который был с нами так мало

Даже сегодня я крепко-накрепко связана с тем летом моего детства: оно все еще не отпускает мою душу, и она бьется о него, как насекомое вокруг ярко горящей лампы.

Эльза Моранте. Ложь и чары

Donatella Di Pietroantonio

1

До тринадцати лет я не знала, что у меня есть другая мать.

Таща неудобный чемодан и сумку, набитую обувью, я с трудом поднималась по лестнице к ее квартире. На площадке меня встретил запах жареной еды и ожидания. Дверь долго не желала открываться, кто-то изнутри молча дергал ее и возился с замком. Я наблюдала, как паук, висящий на конце тонкой нити, крутится в пустоте.

Резкий металлический щелчок – и на пороге появилась девочка с растрепавшимися косичками, судя по всему заплетенными несколько дней назад. Это была моя сестра, но я никогда ее прежде не видела. Она распахнула дверь и впустила меня в квартиру, проводив колючим взглядом. Тогда мы были больше похожи друг на друга, чем позже, когда стали взрослыми.

2

Женщина, зачавшая и родившая меня, даже не поднялась со стула, когда я вошла. Младенец, которого она держала на руках, кусал свой большой палец, зажав его в уголке рта: наверное, у него резался зуб. Оба принялись разглядывать меня, малыш даже ненадолго перестал усердно жевать палец. Я не знала, что у меня есть брат, да еще такой маленький.

– Приехала, значит, – произнесла она. – Вещи-то положи.

Я смущенно опустила глаза: сумка с обувью при малейшем моем движении начинала источать запах потных ног. Из-за закрытой двери в глубине квартиры слышался мощный раскатистый храп. Ребенок захныкал и потянулся к груди, пуская слюни на поблекшие цветы пропотевшего хлопчатобумажного платья.

– Ты что дверь не закрываешь? – строго спросила мать, обратившись к девочке, которая стояла не шелохнувшись.

– А те, кто ее привел, сюда не поднимутся? – возразила она, указав на меня острым подбородком.

Дядя – так мне велели его называть – в тот момент как раз входил в квартиру, выбившись из сил после подъема по ужасной лестнице. Стоял летний, невыносимо жаркий полдень, а дядя нес, держа двумя пальцами, вешалку с новеньким пальто моего размера.

– Твоя жена не пришла? – громко спросила его моя первая мать, стараясь перекрыть настойчивые вопли, раздававшиеся прямо у нее под ухом.

– Она не встает с постели, – ответил он, подчеркивая кивком каждое слово. – Вчера кое-что купил, зимой пригодится, – сообщил он и показал матери ярлычок на моем пальто.

Я подошла к открытому окну и опустила вещи на пол. Издали долетал оглушительный грохот, как будто камни сыпались из самосвала.

Хозяйка дома решила, что нужно предложить гостям кофе, может, его запах, сказала она, разбудит ее мужа. И вышла из почти пустой столовой, сунув ребенка в манеж и не обращая внимания на его плач. Он попытался подняться, цепляясь за сетку с большой дырой, кое-как заделанной переплетенными крест-накрест веревками. Когда я подошла к нему, он рассердился и завопил еще громче. Другая сестра, привычная, вытащила его и опустила на выложенный плитками пол. Он резво пополз на звук голосов на кухне. Ее угрюмый взгляд скользнул по полу от братишки ко мне. И загорелся, остановившись на золотистых пряжках, украшавших мои новые туфли, потом поднялся выше, вдоль жестких и ровных складок синего платья, только что купленного в

магазине. Невысоко над ней кружила муха и, пытаясь найти выход наружу, время от времени громко стучалась о стену.

– А тебя что, всегда так одевают? – тихо спросила она.

– Он вчера мне это специально купил, потому что я возвращаюсь сюда.

– Он тебе кто? – с любопытством спросила она.

– Дальний родственник. Я несколько лет жила с ним и его женой – до сегодняшнего дня.

– А твоя мать? – спросила она удрученно.

– У меня их две. Одна из них – твоя.

– Иногда она говорила о старшей сестре, но я никогда в это особо не верила.

Внезапно она жадно ухватила пальцами рукав моего платья.

– Скоро оно станет тебе мало и перейдет ко мне. Смотри не испортить, носи аккуратно.

Из спальни босиком, зевая во весь рот, вышел отец. Он был по пояс голый. Увидел меня, но тут его привлек аромат кофе.

– Приехала, значит, – сказал он точно так же, как его жена.

3

Из кухни все реже доносились слова и звучали они все глуше; ложки перестали стучать. Когда я услышала шум сдвигаемых стульев, у меня от страха в горле пересохло. Дядя подошел ко мне, чтобы попрощаться, и мимоходом коснулся моей щеки.

– Оставляю тебя на их попечение, – произнес он.

– Я забыла книгу в машине, сейчас спущусь за ней, – сказала я и побежала следом за ним по лестнице.

Сделав вид, будто собираюсь поискать книгу в бардачке, я влезла в машину. Закрыла за собой дверцу и нажала кнопку блокировки. Дядя уже сидел за рулем.

– Что ты делаешь? – спросил он.

– Возвращаюсь вместе с тобой. Я не буду тебе мешать, правда не буду. Мама болеет, ей нужна моя помощь. Здесь я не останусь, я никого тут не знаю.

– Опять ты за свое! Будь благоразумной. Тебя ждут настоящие родители, они будут тебя любить. Тебе не придется скучать, ведь в доме столько детей, – говорил он, обдавая меня ароматом только что выпитого кофе и запахом своего дыхания.

– Я хочу жить у себя дома, с вами. Если я что-то сделала не так, только скажите, и я больше не буду. Не оставляй меня здесь.

– Извини, но мы больше не можем держать тебя у нас, мы же все тебе объяснили. Пожалуйста, перестань капризничать и выходи из машины, – отрезал он, отвернувшись от меня и глядя в пустоту. Мускулы у него на лице, покрытом трехдневной щетиной, ходили ходуном: так случалось всякий раз, когда он злился, и злость была на грани ярости.

Я не послушалась и продолжала упираться. Тогда он стукнул кулаком по рулю, вышел из машины и попытался вытащить меня наружу из узкого пространства перед сиденьем, куда я забилась, дрожа всем телом. Он открыл дверцу ключом, обхватил мою руку и дернул. Шов на платье, которое он мне купил, распоролся. Этот человек с мертвой хваткой был мне незнаком, он нисколько не походил на моего немногословного отца, с которым я жила под одной крышей вплоть до сегодняшнего утра.

На асфальте остались следы колес его сорвавшейся с места машины – и я. В воздухе над площадью повис запах горелой резины. Когда я подняла голову, то

заметила, что из окна третьего этажа на меня смотрит кто-то из родственников, навязанных мне силой.

* * *

Спустя полчаса он вернулся, я услышала стук двери, потом его голос на площадке. Я тут же его простила, радостно подхватила свои пожитки и помчалась к выходу, но услышала только гулкое эхо его шагов на лестнице, уже внизу. Сестра держала в руках большую банку мороженого – ванильного, моего любимого. Он вернулся не для того, чтобы забрать меня, а чтобы принести мне мороженое. Мы съели его все вместе в тот августовский полдень 1975 года.

4

Вечером вернулись старшие мальчики, один свистнул мне в знак приветствия, другой меня даже не заметил. Они бросились на кухню и стали толкаться, расчищая себе место за столом, где мать накрыла ужин. Каждому в тарелку щедро плеснули соуса; на мою долю досталась всего одна плававшая в лужице подливки ноздреватая фрикаделька. Сразу стало понятно, что состоит она из размоченных крошек черствого хлеба, среди которых изредка попадались волокна мяса. Мы ели фрикадельки из хлеба вприкуску с хлебом, макая его в соус, чтобы хоть чем-то набить живот. Через несколько дней я уже научилась бороться за еду и не выпускать из виду свою тарелку, чтобы чья-нибудь вилка не совершила на нее набег. Но у меня все-таки что-то пропадало, и мать своей рукой пополняла мой скудный рацион.

Мои первые родители только после ужина вспомнили, что у них в доме нет для меня кровати.

– Сегодня будешь спать со своей сестрой, ничего, вы обе худенькие, – заявил отец. – А завтра будет видно.

– Придется лечь валетом, иначе не поместимся, – объяснила мне Адриана, – голова одной к ногам другой. Ну, ноги-то мы вымоем, – успокоила она меня.

Мы мыли ноги в одном тазике, она старательно и долго оттирала грязь, скопившуюся между пальцами.

– Смотри, какая черная вода! – рассмеялась она. – Это от моих, твои и так были чистые.

Она раздобыла мне подушку, и мы, не зажигая свет, вошли в комнату, где уже сопели во сне мальчишки и стоял резкий запах подросткового пота. Перешептываясь, мы улеглись валетом. Матрас, набитый овечьей шерстью, стал от старости комковатым и промялся в середине. Меня обдало прежде незнакомым отвратительным запахом: за многие годы матрас насквозь пропитался мочой. Комары жаждали моей крови, я попыталась спастись от них, укрывшись простыней, но Адриана натянула ее на себя.

Внезапно она дернулась всем телом, словно хотела скатиться с кровати. Я тихонько передвинула ее ногу и прижалась щекой к ее пятке, прохладно пахнувшей дешевым мылом. Почти всю ночь, стоило ей только шевельнуть ногой, я чувствовала прикосновение грубой кожи, чувствовала, как меня царапают шершавые края обломанных ногтей. Я подумала, что у меня с собой есть ножницы, и надо бы ей их дать.

Почти полная луна заглянула в открытое окно, проплыла мимо и удалилась. Осталась только ее свита – звезды, и смутная надежда на то, что если на небе и есть дома, то их совсем немного.

«Завтра будет видно», – сказал отец, но потом забыл. А мы с Адрианой ничего не просили. Каждый вечер она подкладывала мне под щеку свою пятку. И это все, что было у меня в этом темном лесу, наполненном человеческим дыханием.

5

Внезапно я почувствовала под боком что-то мокрое и теплое, оно увеличивалось в размерах, и я вскочила с кровати. Пощупала у себя между ног: сухо. Адриана пошевелилась в темноте, но не проснулась. Сдвинувшись на самый край, она продолжала спать как ни в чем не бывало. Немного погодя я тоже кое-как

устроилась на кровати, стараясь занимать как можно меньше места. Теперь мы обе лежали вокруг мокрого пятна.

Запах постепенно уходил, мало-помалу испаряясь при каждом дуновении сквозняка. Ближе к рассвету один из парней, я не разобрала кто именно, несколько минут тяжело и беспокойно ворочался и стонал.

Утром Адриана проснулась и замерла, не поднимая головы с подушки и широко открыв глаза. Затем на секунду перевела взгляд на меня, не произнеся ни слова. Вошла мать с младенцем на руках и потянула носом воздух.

- Ну что, красавица, опять обдулась? Признавайся.

- Это не я, - буркнула Адриана, отвернувшись к стене.

- Ну конечно, это, наверное, твоя сестра, хоть она и такая воспитанная. Вставай живее, хотя все равно уже поздно! - сердито проговорила она, и обе ушли на кухню.

Мне не хотелось идти с ними, к тому же я не знала, что мне делать дальше. Я замерла на месте: мне не хватало смелости отправиться в ванную. Брат приподнялся и уселся на кровати, раздвинув ноги. Зевнул, взвесил на руке тугой бугор, оттопыривавший трусы, снова зевнул. Обнаружив, что я тоже здесь, в комнате, он наморщил лоб и принялся рассматривать меня. С явным интересом остановил взгляд на груди, прикрытой только майкой, которая служила мне пижамой. Я инстинктивно скрестила руки, спрятав недавно появившиеся, быстро растущие бугорки, и почувствовала, как у меня вспотели подмышки.

- Ты тоже тут спала? - спросил он еще не устоявшимся мужским голосом.

Я смущенно кивнула, а он продолжал без стеснения разглядывать меня.

- Тебе сколько лет, пятнадцать?

- Нет, скоро четырнадцать.

– А выглядишь на пятнадцать, а то и старше. Ты очень развитая для своего возраста, – заключил он.

– А тебе сколько? – из вежливости спросила я.

– Почти восемнадцать, я самый старший. Уже вкалываю вовсю, но сегодня буду бездельничать.

– Почему?

– Сегодня не работаю. Хозяин вызывает меня, когда я ему нужен.

– Чем ты занимаешься?

– Я разнорабочий.

– А как же школа?

– Ну ее, эту школу! Кое-как половину проучился, а экзамены в конце года завалил.

Я смотрела на его мускулистые от работы руки, на сильные плечи. Его грудь легкой пеной покрывали каштановые завитки, они золотились в лучах солнца, как и пушок на лице. Наверное, он тоже слишком быстро вырос. Когда он потянулся, я почувствовала запах взрослого мужчины, и он не показался мне противным. Его левый висок украшал шрам, напоминавший крошечный рыбий скелет, – видимо, след от старой, неумело зашитой раны.

Мы больше ни словом не обмолвились, и он снова стал рассматривать мое тело. Он то и дело поправлял рукой свой член, чтобы тот не выглядел слишком вызывающе. Я хотела одеться, но накануне не распаковала чемодан, и он остался там, где я его бросила, а для того, чтобы его взять, мне пришлось бы повернуться спиной к брату и пройти несколько шагов под его неотступным взглядом. Мне казалось, что в этот момент что-нибудь обязательно случится. Он обшарил глазами мои бедра, прикрытые тонкой хлопковой материей, потом голые ноги до самых ступней, которые я испуганно поджала. Я не посмела бы отвернуться.

Пришла мать и велела ему поторапливаться: одному из соседей понадобилась помощь в каких-то сельских работах. В уплату он давал несколько ящиков спелых помидоров для заготовок на зиму.

– Сходи с сестрой за молоком, не то останешься без завтрака, – обратилась ко мне мать. Она пыталась говорить помягче, но к концу фразы невольно вернулась к обычному приказному тону.

В другой комнате я увидела, что малыш дополз до моей сумки с обувью и всю ее разбросал. Потом принялся грызть туфлю, страдальчески скривив рот: она оказалась невкусной. Адриана, забравшись на стул у кухонного стола и встав на коленки, чистила зеленую фасоль к обеду.

– Смотри, сколько добра выбрасываешь в помойку, – упрекнула ее мать.

Адриана не обратила на это никакого внимания.

– Умывайся, и пойдем за молоком, я уже есть хочу, – сказала она мне.

Я попала в ванную последней. Мужчины залили водой и затоптали пол, оставив потеки грязи и отпечатки босых ног. У нас дома такой мелкой плитки не было. Я поскользнулась, но ничего себе не повредила: помогли балетные навыки. Осенью мне, конечно, уже не придется ходить ни на танцы, ни на плавание.

6

Я помню одно утро в самом начале. Из окон струился тусклый свет, предвещая грозу, которая разразилась спустя несколько часов: такая погода стояла уже несколько дней подряд. Воцарилась непривычная тишина. Адриана с малышом спустилась к вдове с первого этажа, мужчины ушли. Я была дома одна с матерью.

– Надо ощипать курицу, – приказала она и, держа за лапы мертвую птицу с болтающейся головой, протянула ее мне. Кажется, кто-то недавно поднимался к нам и принес ее: я слышала, как мать разговаривает с кем-то на площадке, а

потом благодарит. – И выпотрошить.

– Что? Я не понимаю.

– Прямо так ее есть собираешься? Сначала нужно ободрать перья, что тут непонятного? Потом разрезать ее и вытащить кишки, – пояснила она, вытянув ко мне руку и потрясая ею.

Я отступила назад и отвела глаза:

– Не смогу, мне плохо станет. Лучше я уборкой займусь.

Она посмотрела на меня и ничего не сказала. С размаху швырнула птицу на бортик раковины и начала яростно обрывать ей перья. А я словно со стороны услышала, как бормочу сквозь зубы:

– Я видела курицу только в тарелке.

Я принялась за уборку – с ней я справлялась легко. С другими домашними делами могли быть проблемы – к ним я не привыкла. Я долго терла губкой покрытую известковыми разводами ванну, потом открыла кран и наполнила ее водой – холодной, потому что вместо горячей текла холодная, а я не хотела задавать лишних вопросов. С кухни время от времени доносился звук разрубаемых костей, а я, обливаясь потом, отмывала туалет. В конце концов закрыла дверь изнутри на железный крючок и села в ванну. Протянула руку к мыльнице на бортике, и почувствовала, что умираю. Кровь отхлынула от головы, рук и груди, они заledenели. В последний миг я успела выдернуть затычку. Надо было позвать на помощь, но я не знала, как привлечь внимание женщины там, за дверью: я не в силах была назвать ее мамой. Вместо того чтобы в нужной последовательности произнести звуки «м» и «а», я исторгла из себя в стекающую воду несколько ошметков кислого молока. Я не смогла бы даже позвать эту женщину по имени, потому что не помнила, как ее зовут. Поэтому просто вскрикнула и потеряла сознание.

Не знаю, сколько прошло времени, но очнулась я от запаха высохшей мочи Адрианы. Я лежала на кровати голая, накрытая полотенцем. Рядом на полу стоял пустой стакан, наверное, в нем была подслащенная вода: мать лечила нас ею от всех болезней. Немного позже она сама заглянула в комнату.

– Если ты чувствуешь, что тебе вот-вот станет плохо, почему не сказать об этом сразу, чтобы не доводить до крайности? – спросила она, что-то жуя.

– Прости, я думала, само пройдет, – ответила я, не глядя на нее.

За все эти годы я ни разу ей не звонила. Теперь, когда меня ей вернули, слово «мама» застряло у меня в горле, словно жаба, и не желало выскакивать. Когда мне нужно было срочно что-нибудь у нее спросить, я пыталась обратить на себя ее внимание разными способами. Иногда, если держала на руках малыша, то щипала его за ножку, и он начинал плакать. Тогда она поворачивалась в нашу сторону, и я с ней говорила.

Я давно забыла о том, что устраивала брату эту маленькую пытку, вспомнила случайно только сейчас, когда он уже взрослый и ему пошел третий десяток. Я сидела с ним на скамейке рядом с домом, в котором он сейчас живет, и заметила у него синяк, почти такой же, какие когда-то оставляла я. На сей раз я была ни при чем: он ударился об угол тумбочки.

* * *

Все были в восторге: курица на ужин – это что-то новенькое. Адриана гадала, не наступило ли среди лета Рождество. Я боролась с голодом и одновременно с отвращением, ведь я видела, как курицу потрошили, как ее кишки свисали с краев раковины, среди грязных чашек, оставшихся после завтрака.

– По ножке – папе и той, которая сегодня упала в обморок, – огласила свое решение мать.

Грудку отложили на завтра; остальные куски были намного меньше и костлявее. Один из братьев, которого звали Серджо, немедленно взбунтовался.

– Если она больная – с нее хватит и бульона, ножка ей ни к чему, – заявил он. – Положи мне: я сегодня помогал переезжать тетке с верхнего этажа, а денежки, которые она заплатила, забрала ты.

– Между прочим, из-за тебя пришлось ломать дверь в туалет, – вмешался другой, тыча в меня указательным пальцем. – Какой-никакой, а ущерб. Может, его оплатит тот, у кого она жила раньше?

Отец заставил его сесть, хлопнув по макушке, и тот замолк.

– Мне расхотелось есть, – сказала я, повернувшись к Адриане, и убежала в комнату. Через некоторое время она пришла ко мне и принесла кусок хлеба с маслом. Она стала прихорашиваться и надела юбку, которая явно стала ей коротка.

– Давай ешь быстрее и одевайся: мы идем на праздник, – скомандовала она, сунув мне тарелку.

– Какой?

– Нашего святого покровителя. Ты что, не знала? Не слышишь, оркестр играет? Там, на площади. А сейчас петь начнут. Но мы туда не пойдём, Винченцо поведет нас на аттракционы, – шепнула она.

Спустя полчаса рыбий скелет на виске Винченцо уже поблескивал под разноцветными огнями на просторной площадке, где раскинули табор цыгане. Винченцо был единственным из мальчишек, кто не стал оспаривать у меня право на куриную ножку. Он не позвал с собой братьев: с ним были только мы – Адриана и я. Он подсчитал мелкие монеты, которые неведомо как сумел скопить, задержался ненадолго около билетера, с которым, видимо, был давно знаком. На вид они казались сверстниками, у обоих была загорелая кожа. Они вместе покурили, цыган взял деньги за первый круг и разрешил дальше кататься бесплатно.

Меня никогда не пускали на карусель, мать говорила, что это слишком опасно: ребенок ее подруги прищемил большой палец, закрывая защитную перекладину. Адриана, которая уже не раз каталась на аттракционах, помогла мне устроиться на сиденье и защелкнуть замок.

– Крепче держись за цепи, – посоветовала она и заняла место передо мной.

Я мчалась на карусели между ней и Винченцо: они посадили меня в середину, чтобы мне было не так страшно. Взлетая ввысь, я почти испытывала счастье: все произошедшее со мной за последние дни осталось внизу, словно тяжелый туман. Взвившись над этой непроглядной мглой, я могла хоть ненадолго о ней забыть. Я с наслаждением пролетела несколько кругов, когда сзади меня толкнули ногой, и раздался голос:

– Лови ее!

Но я не сумела дотянуться до Адрианы, потому что изо всех сил сжимала цепь.

– Протяни руку, синьорина, ничего с тобой не случится! – уговаривал меня Винченцо, а потом прицелился и подтолкнул посильнее. На третьей попытке я вытянулась на лету, почувствовала прикосновение металла к своей ладони и вцепилась в него что было сил. Я добралась до Адрианы. Винченцо был в восторге.

Сиденья замедлили круговой бег и постепенно остановились. Я спустилась с карусели и, пошатываясь, сделала по инерции несколько неуверенных шагов. Руки у меня тряслись, но не от холода: после нескольких дней непогоды снова вернулась жара. Винченцо подошел ко мне и молча ласково заглянул в глаза: испытание на храбрость было пройдено. Я аккуратно расправила платье, завернувшееся от ветра. Он закурил сигарету и, улыбаясь, выпустил первую струйку дыма мне в лицо.

7

Когда мы дошли почти до самого дома, Винченцо отдал нам свой ключ. Он сказал, что ему надо вернуться на аттракционы, и велел нам не запирать дверь. Мне не хотелось возвращаться, не хотелось ложиться спать, я была под впечатлением от полета. За стеной, в комнате родителей, раздавался ритмичный скрип кровати, потом все стихло. Час за часом я никак не могла пристроить ноги и в итоге заехала ступней в лицо Адриане. Потом до меня снова добралась уже привычная мокрота, я встала и легла в пустовавшую постель Винченцо. Ворочаясь, я ощущала его запахи – подмышек, рта, гениталий. Представляла себе, как он сидит перед трейлером своего друга цыгана, как они

болтают и курят. И только к рассвету задремала.

Он вернулся к обеду в рабочих штанах, густо заляпанных цементом. Как мне показалось, никто не заметил, что он не ночевал дома. Родители только коротко переглянулись, когда он подошел к столу. Отец, ни слова не говоря, равнодушно ударил его. Винченцо потерял равновесие, пошатнулся и угодил рукой в миску с пастой, заправленной теми самыми помидорами, которыми ему заплатили за несколько дней работы в деревне. Он упал на пол, свернулся клубком, прикрываясь руками от ударов, и стал ждать, когда все закончится. Увидев, что ноги отца удаляются, он перекатился в сторонку и улегся навзничь на прохладный пол.

– А вы ешьте, – приказала мать, державшая на руках малыша. Он не заплакал, когда поднялась суматоха, видимо, такие сцены были для него привычными. Мальчишки тут же послушно принялись за еду, Адриана лениво и невозмутимо подождала, пока наведут порядок на столе, и лишь тогда стала есть. Испугалась только я одна: мне никогда прежде не доводилось так близко видеть насилие.

Я подошла к Винченцо. Его грудь колебалась, он часто и неглубоко дышал. От ноздрей к открытому рту тянулись две струйки крови, скула уже начала опухать. Рука была испачкана красным соусом. Я достала из кармана платок и протянула ему, но он его не взял и отвернулся от меня. Тогда я села на пол сбоку от него, словно отметив границу и оберегая его покой. Он знал, что я тут, но не прогнал меня.

– В следующий раз душу из него выбью, – процедил отец сквозь зубы, поднимаясь из-за стола. К тому времени все уже покончили с едой, Адриана начала убирать посуду, а малыш захныкал – он хотел спать.

– Не хочешь есть – дело твое, – сказала мать, проходя мимо меня, – но тарелки все равно вымоешь, сегодня твоя очередь. – И она указала на раковину, полную грязной посуды. Они даже не посмотрели друг на друга – она и ее сын.

Винченцо поднялся на ноги и пошел в ванную умываться. Заткнул ноздри комочками туалетной бумаги и побежал на работу: обеденный перерыв уже закончился.

Адриана, ополаскивая намыленные мной тарелки, рассказала мне, что брат уже сбежал из дома. В четырнадцать лет он уехал с цыганами-карусельщиками после праздника в соседней деревне. Он помог им разобрать аттракционы, а когда они уезжали, спрятался в кузове их грузовика и вышел, как только они сделали остановку. Он боялся, что цыгане отправят его домой. Но они оставили его у себя на несколько дней, он работал вместе с ними, колеся по провинции. Потом его посадили на автобус, который шел к дому, и подарили на память драгоценную вещицу.

- Папа его здорово отколотил, - сообщила Адриана. - Зато у него осталось серебряное кольцо со странной гравировкой. Подарок того парня. Ты его вчера вечером видела.

- Но Винченцо, по-моему, не носит никакого кольца.

- Он его никому не показывает. Иногда наденет, покрутит на пальце и снова спрячет.

- А где, ты не знаешь?

- Нет, он постоянно его перепрятывает. Наверное, это волшебное кольцо. Если Винченцо его потрогает, он становится счастливее. Правда, ненадолго.

- И сегодня он тоже ночевал у цыган?

- Думаю, да. Если он возвращается с таким довольным видом, значит, был у них. Но он знает, что потом ему влетит.

Мать позвала ее снимать белье, сушившееся на балконе. Она, конечно, и мне поручала разные домашние дела и поторапливала, если я замешкаюсь, но по сравнению с тем, как она гоняла Адриану, это было ничто. Может, она меня жалела, а может, просто забывала, что я здесь. Она наверняка считала меня неумехой и была, конечно, права. Иногда я даже не понимала ее распоряжений, которые она отдавала скороговоркой, глотая половину слов.

- А что было, когда Винченцо первый раз сбежал из дома? - спросила я, когда Адриана пришла на кухню, чтобы убрать сложенные полотенца. - Вы все,

наверное, переволновались? А родители обратились к карабинерам?

Адриана так сильно нахмурилась, что ее брови сошлись на переносице.

– Нет, к карабинерам – нет. Папа искал, ездил с кем-то на машине. А она не плакала, она молчала, – добавила Адриана, указав подбородком в ту сторону, откуда доносились крики: где-то снаружи мать орала на одного из сыновей.

8

Чтобы хоть ненадолго уснуть, я думала о море. Оно плескалось всего в какой-нибудь сотне метров от того дома, который я считала своим и где жила еще несколько дней назад. Только дорога отделяла наш сад от пляжа, и в те дни, когда дул юго-западный ветер, мать закрывала окна и до упора опускала жалюзи, чтобы в комнаты не наметало песка. Рев волн становился почти неслышным, а ночью укачивал, погружая в сон. Я вспоминала об этом, лежа в постели с Адрианой.

Я рассказывала ей, как мы с родителями гуляли по набережной и ходили в самый знаменитый в городе магазин мороженого. Она, в платье с тонкими бретельками, с красным лаком на ногах, шла с ним за руку, а я убегала вперед и вставала в очередь. Мне – фруктовое со взбитыми сливками, им – сливочное. Адриана даже не представляла себе, что все эти вкусы существуют на самом деле, и мне приходилось перечислять их вновь и вновь.

– А где этот город? – спросила она с тревогой, словно речь шла о каком-то волшебном месте.

– Примерно в пятидесяти километрах отсюда, может, чуть больше или меньше.

– Отвези меня туда когда-нибудь, мне хочется увидеть море. И магазин мороженого.

Я рассказала ей, как мы ужинали в саду. Как я накрывала на стол, а в это время люди шли с пляжа, шагая по тротуару всего в нескольких метрах от меня, по ту

сторону ограды. Как они шаркали по мостовой деревянными подошвами, и с их пяток сыпались песчинки.

- А что ты ела? - спросила Адриана.

- Обычно рыбу.

- Это как тунец в банках?

- Нет-нет, есть много другой рыбы. Мы покупали свежую у рыбаков, на рынке.

Я описывала Адриане каракатицу, шевеля пальцами и изображая щупальца. Рассказывала о том, как лангусты, изгибаясь дугой, медленно умирали на прилавках, а я зачарованно их рассматривала. Они тоже смотрели на меня: темные пятнышки у них на хвосте напоминали глаза, полные упрека. На обратном пути, когда мы с матерью шли вдоль железной дороги, в сумке все еще слышалось прерывистое шуршание.

Рассказывая все это, я чувствовала во рту вкус картошки и фаршированных кальмаров с яично-лимонным соусом, которые готовила мать. Интересно, как она там, моя мама. Если бы только она хоть немного поправилась и начала есть, если бы только почаще вставала с постели... А может, ее положили в больницу. Она ничего мне не рассказывала о своей болезни, наверное, потому, что не хотела меня пугать, но я видела, как она страдала весь последний месяц, даже не ходила на пляж, хотя раньше начинала купаться и загорать рано, еще в мае, лишь только наступала теплая погода. С ее разрешения я стала одна загорать у моря под зонтиком, ведь я уже большая, сказала она. Я ходила на пляж накануне отъезда, даже повеселилась с друзьями, потому что не верила, что у моих родителей хватит духа меня вернуть.

* * *

Кожа у меня все еще была загорелая, с полосками белой кожи, повторяющими очертания купальника. В то лето мне уже понадобился лифчик, я выросла и перестала быть маленькой девочкой. Смуглая кожа была и у моих братьев, но только в тех местах, которые загорели во время работы или уличных игр. К началу лета загар смывался, а затем появлялся вновь. А спина Винченцо

представляла собой карту солнечных ожогов.

– В том городе у тебя были друзья? – спросила Адриана.

Ее школьная подружка только что позвала ее с улицы, и она помахала ей рукой из окна.

– Были. Самая лучшая – Патриция.

С ней я выбирала себе весной открытый купальник. Мы отправились за ним в магазин рядом с бассейном, куда тоже ходили вместе. Пат показывала почти чемпионские результаты, а я занималась без особой охоты. Мне всегда было холодно, и еще до того, как залезть в воду, мне уже хотелось из нее вылезти. Меня раздражали серые стенки бассейна, запах хлорки. Но с тех пор как в моей жизни все изменилось, я и по ним скучала.

Мы с Пат хотели купить одинаковые купальники и похвастаться на пляже своими новыми формами. С разницей в неделю у нас начались месячные, и даже прыщи, похоже, выскакивали синхронно. Наши тела видоизменялись, словно подсказывая друг другу направление развития.

– Вот этот тебе подойдет, – сказала мама, пройдясь между полок и выудив откуда-то плотный раздельный купальник. – Ведь кожа на груди нежная и тонкая, она легко сгорает на солнце.

Тот день я запомнила до мелочей: накануне она заболела. Поэтому я отказалась брать бикини с бантиком между чашечками бюстгалтера и еще двумя по бокам плавок. А Патриция взяла, она такой очень хотела. Она часто приходила к нам домой, я к ней – гораздо реже: мои родители опасались, как бы мне не передались дурные привычки ее семейства. Они были веселые, рассеянные, безалаберные. Никто ни разу не видел их на мессе, ни по воскресеньям, ни даже на Пасху или Рождество: не исключено, что они просто были не в состоянии вовремя проснуться. Ели что попало, и не в определенный час, а когда были голодны; обожали двух своих собак и нахального кота, который вскакивал на стол и таскал остатки еды. Помню, как мы сами готовили себе полдник у них на кухне, заливая хлеб потоками шоколада, так что потом у меня от него ныли зубы.

– Это дает мне энергию, чтобы хорошо плавать, – заявила Пат. – Возьми еще кусочек, твоя мать не узнает.

Только однажды мне разрешили остаться у них ночевать. Ее родители ушли в кино. Мы допоздна смотрели телевизор, хрустя чипсами, а потом всю ночь болтали, устраиваясь то у нее в постели, то у меня, в обществе кота, с мурлыканьем развалившегося на одеяле. Я не привыкла к такой свободе и на следующий день, вернувшись домой, чуть было не заснула с куском курицы на груди.

– Они тебя даже не покормили? – озабоченно спросила моя мать.

Когда я сообщила Патриции, что скоро мне придется уехать, она решила, что я шучу. Сначала она никак не могла взять в толк – впрочем, как и я сама, – что это за история с настоящими родителями, которые требуют меня вернуть, и не поняла по моему тону, как я приняла это известие. Мне пришлось все объяснить ей снова, и тогда Пат подскочила, словно ужаленная, и заплакала навзрыд, трясясь всем телом. Тут уж я сама испугалась. При виде ее реакции я сообразила, что мне и вправду грозит нечто ужасное, но плакать не стала.

– Не бойся, твои родители, я имею в виду те, которые здесь, этого не допустят. Ведь твой отец карабинер, он обязательно что-нибудь придумает, – попыталась она меня утешить, кое-как приходя в себя.

– Он говорит, что ничего не поделаешь.

– Твоя мать не согласится.

– Она сейчас плохо себя чувствует. Наверное, из-за того меня забирают. Или наоборот. Отец узнал, что она заболела, и решил меня сплавить, только не хочет признаваться. Поверить не могу, что какой-то семье, которая меня никогда не видела, вдруг загорелось забрать меня назад.

– Правда, ты же совсем не похожа на родителей. В смысле на тех, кого все знают как твоих маму и папу.

Ночью меня осенила одна идея, и утром, перебравшись под ее зонтик, я поделилась ею с Патрицией. Мы обдумали ее до мельчайших деталей и пришли в восторг от нашего плана. После обеда я побежала к ней, даже не спросив разрешения у матери, которая отдыхала у себя в комнате. Она все равно отмахнулась бы: у нее не было сил, и заботило ее совсем другое.

Пат открыла мне дверь, понутив голову и держась за притолоку. Грубо пнула кота, который терся о ее ноги, обвивая их хвостом. Мне расхотелось заходить. Пат взяла меня за руку и потащила в комнату, сказав, что со мной хочет поговорить ее мать. Мы, девчонки, придумали, что завтра после пляжа мы с Пат пойдем к ней, и я спрячусь у нее дома на месяц или два, чтобы за это время мои родители, и те и другие, нашли решение, которое меня устроит. Я позвоню домой – на несколько секунд, как в кино, – успокою их, скажу, что со мной все хорошо, и продиктую свои условия: «Туда я не поеду. Вернусь домой или убегу насовсем куда глаза глядят».

Мама Пат крепко меня обняла, как обычно тепло и неожиданно смущенно. Освободила для меня место на диване и пригласила сесть рядом. Кота она прогнала: сейчас было не до него.

– Мне очень жаль, – произнесла она. – Ты знаешь, как я к тебе привязана. Но это невозможно.

9

– Тебе нравилось там, в городе? – спросил как-то раз Винченцо.

Мы находились в подземном гараже большого здания. У стен беспорядочно валялись кучи корзин без дна, коробки из вспученного от влажности картона, дырявые матрасы, из которых торчали пуки шерсти. В одном углу лежала кукла без головы. Посередине, на свободном пятачке, мы с Адрианой и мальчиками резали помидоры для соуса на зиму – сначала напополам, потом на мелкие кусочки. Я работала медленнее всех.

– Синьорина никогда раньше такого не делала, – кривляясь, тоненьким голоском протянул один из братьев.

Малыш всей пятерней залез в мусорную корзину, что-то схватил и потащил в рот. Матери не было, она за чем-то ушла.

– Ну так что? Почему ты сюда вернулась? – настойчиво расспрашивал Винченцо, тыча в мою сторону пальцем в красном соке.

– Это решала не я. Моя мать сказала, что я выросла и настоящие родители потребовали меня вернуть.

Адриана внимательно слушала, не отрывая от меня взгляда, хотя ей нужно было смотреть на свои руки и нож, которым она резала помидоры.

– Эй, реально, может, вытащите его из помойки? Чего размечтались-то? – воскликнул Серджо, самый злой из братьев. – Эй, ма! – крикнул он, повернувшись к выходу. – Ты правда сама забрала ее обратно? Может, надо было подумать?

Винченцо одной рукой толкнул его, а другой, злобно хмыкнув, повалил деревянный ящик, на котором тот сидел. Серджо, падая, задел ногой ведро, полное нарезанных помидоров, и часть из них выпала на пыльный бетонный пол. Я начала подбирать их и уже хотела выкинуть, но тут ко мне кинулась Адриана и ловко, как взрослая, отняла у меня грязные помидоры, помыла их и снова положила в ведро. Повернулась и выразительным взглядом велела мне молчать. Не должно пропасть ни кусочка. Я кивнула.

Мать вернулась с чистыми бутылками, которые нужно было наполнить. В каждой уже лежат лист базилика.

– О боже, у тебя хоть что-нибудь сегодня получается? – строго спросила она, взглянув на меня.

Я что-то прошептала в ответ – так мне было стыдно.

– Эй! Получается или не получается?

Я чуть заметно покачала головой.

– Может, оно и к лучшему, не то все испортила бы. Видно, не для всякой работы ты годишься.

* * *

У стены здания над откосом горел костер, на котором мать только что закончила кипятить бутылки с соусом в большом котле с водой. Винченцо приволок полмешка кукурузы и осторожно снял его с обгоревшего плеча. У него стали допытываться, откуда он ее взял, но он притворился, будто не слышит. Мы обрывали с початков листья и волокна, зерна под ними были мягкими и, если подковырнуть их ногтем, сочились молочно-белым соком. Я наблюдала за другими и делала, как они. Но кожа у меня была еще слишком нежной, и я порезалась краем листа.

Пока не остыли угли, Винченцо жарил кукурузу и переворачивал початки голыми руками, быстро хватая их кончиками пальцев.

– Пусть немного подгорят, так вкуснее, – объяснил он мне, лукаво посмеиваясь.

Он помахал первым початком перед носом Серджо, тот решил, что это ему, однако кукуруза досталась мне. Я взяла початок и обожглась.

– Вот спасибо-то! – пробормотал Серджо и стал ждать своей очереди.

– Я ее несколько раз ела, но только вареную. Так намного вкуснее, – сказала я.

Никто меня не услышал. Я молча помогла Адриане вымыть и убрать на место посуду, в которой готовился соус.

– Не обращай внимания на Серджо, он со всеми такой злой.

– Может, он прав, может, не твои родители потребовали вернуть меня. Теперь я уверена: я здесь потому, что моя мать заболела. Но спорить готова, она за мной придет, как только поправится.

Дорогая мама или дорогая тетя,

не знаю, как тебя называть. Я хочу вернуться к вам. Мне здесь плохо, и это неправда, что родственники меня очень ждали, наоборот, они приняли меня как свалившееся им на голову несчастье: для всех я только обуза, лишний рот.

Ты всегда повторяла, что для девочки самое главное – личная гигиена, поэтому сообщаю тебе, что в этом доме помыться – целая проблема. Мы с сестрой спим в одной кровати с матрасом, провонявшим мочой. В той же комнате спят мальчики пятнадцати лет и старше: вряд ли тебе приятно будет об этом узнать. Не знаю, что может случиться. Ты ведь каждое воскресенье ходишь к мессе, преподаешь катехизис в нашем приходе, как же ты можешь оставлять меня в таких условиях?

Ты больна и, наверное, не хотела говорить мне об этом, но я достаточно взрослая, чтобы быть рядом и помогать тебе.

Я поняла, что ты забрала меня совсем маленькой из бедной многодетной семьи ради моего же блага. С тех пор здесь ничего не изменилось. Если тебе не все равно, что со мной будет, пришли сюда дядю, пусть он заберет меня, иначе в ближайшие дни я выброшусь из окна.

P. S.

Извини, что не пришла попрощаться с тобой в то утро, когда вы заставили меня уехать, и не поблагодарила за пять тысяч лир, которые ты спрятала между носовыми платками. Оставшихся денег мне хватит на конверт и марку.

Я забыла подписать это письмо, написанное на листке из тетради в линейку. Бросила его в красный почтовый ящик, висевший рядом с дверью бакалейной лавки, и подсчитала остатки: можно купить два леденца – мне мятный, Адриане

лимонный.

- Кому ты пишешь? – спросила она, тщательно вылизывая бумагу, которую отклеила от гладкой поверхности леденца.

- Маме, которая осталась в городе.

- Она тебе не мама.

- Тогда тете, – раздраженно отрезала я.

- Да, она троюродная сестра отца. Хотя на самом деле троюродный брат – это ее муж, карабинер, тот, который привез тебя сюда. Но деньги-то у нее. И она о тебе думает.

- Откуда ты знаешь? – спросила я, слизывая липкую зеленую струйку, стекавшую по палочке на пальцы.

- Вчера вечером слышала, как родители разговаривали об этом у себя в комнате. Серджи хотел меня прогнать, но я спряталась в шкафу. Кажется, Адальджиза собирается отправить тебя учиться дальше, в старшую школу. Не повезло тебе.

- О чем еще они говорили? – поинтересовалась я и перевернула леденец, пытаюсь снять каплю с острого кончика.

Адриана неодобрительно тряхнула головой, сама ловко слизнула каплю и помахала рукой, призывая меня есть побыстрее.

- Да, пришла беда – отвори ворота, – вздохнула она.

Я засунула весь леденец в рот и без всякой охоты продолжала сосать, пока от него не осталось нечто бесцветное, почти невидимое.

- Дай сюда, – раздраженно потребовала Адриана и обгрызла все до деревянной палочки.

Я спросила почтового служащего, как долго будет идти до того города мое письмо, сколько времени уйдет на доставку, сложила дни, умножила на два, добавила еще один: маме же нужно написать ответ. И начиная с одиннадцатого дня стала ждать, каждое утро сидя на низенькой каменной изгороди и наблюдая, как ребятишки на небольшой площади играют в салочки или в классики. Я сидела на ласковом сентябрьском солнце и болтала ногами, и порой мне представлялось, что, вместо того чтобы получить обычный конверт, я увижу своего дядю, которого всегда считала отцом. Он вернется за мной на своей длинной серой машине, я прощу его за то, что он отказался забрать меня назад, оставив на тротуаре перед домом, и уехал.

А может, они приедут вдвоем, она будет совсем здорова, сделает пышную прическу у своего парикмахера – он иногда стриг и меня, когда челка отрастала до самых глаз, – и наденет один из своих мягких шарфов, которые она носит в межсезонье и так красиво повязывает.

– Чего ты ждешь? Любовного послания? – шутил почтальон всякий раз, когда, безрезультатно порывшись в своей кожаной сумке, говорил мне «нет».

* * *

Однажды ясным днем рядом с домом остановился фургон. Водитель подошел к нам и спросил, на каком этаже живет получатель, и назвал имя матери. Он начал выгружать пакеты. Дети бросили играть и стали помогать втаскивать вещи по лестнице. Мы сгорали от любопытства, а он забавлялся, поддразнивая нас.

– Осторожно, углы не повредите. Сейчас поднимемся, и сами все увидите, – уговаривал он особенно нетерпеливых. – Покажите, где спят девочки, – заявил он, как будто выполнял инструкции, заученные наизусть.

Мы с Адрианой открыли комнату, недоверчиво поглядывая на него. Спустя несколько минут он собрал двухъярусную кровать, к которой прилагались лесенка и два новых матраса. Потом у стены появилась трехстворчатая ширма, отгородившая кровать от остальной комнаты. Водитель вернулся к фургону за чем-то еще: это был ответ на мое письмо.

– Но кто все это заказал? И кто будет платить? – забеспокоилась Адриана, словно очнувшись от сна. – Папа и так весь в долгах. А мама? Мама-то где?

Она куда-то ушла после обеда, взяв с собой ребенка и не сказав нам ни слова. Наверное, заговорила с соседкой.

– Родители нам денег не оставляли, – начала оправдываться моя сестра, обращаясь к водителю, который в сопровождении целой свиты мальчишек снова вошел в квартиру, неся две коробки. В них лежали два комплекта цветного постельного белья, стеганое одеяло, набитое шерстью, и легкое летнее одеяло. Судя по всему, они были предназначены только для одной из двухъярусных кроватей. Там еще были кусочки мыла, несколько флаконов моего любимого шампуня и один – против вшей, который вполне мог мне здесь понадобиться. И пробник духов моей матери: видимо, она заметила, что я украдкой прыскала ими на себя перед уходом в школу.

– Все оплачено. Мне просто нужно, чтобы кто-нибудь из взрослых расписался за доставку.

За это взялась Адриана: она умела подделывать корявую подпись отца. Когда мы остались в комнате одни, она сначала попросила меня отдать ей место наверху, потом внизу, потом снова наверху, сняла туфли и попыталась выяснить, где ей будет лучше, несколько раз поднявшись и спустившись по лестнице. Старую, с провисшей сеткой кровать и вонючий матрас мы вынесли на лестничную площадку.

– Боюсь, и новый промочу.

– Она еще и клеенку купила, водонепроницаемую. Подстели ее.

– Что она купила?

В этот момент вернулась мать. С ее плеча свисала головка спящего малыша. Она не удивилась новым вещам. Адриана, которая сразу захотела их ей показать, схватила ее за блузку и притащила в нашу комнату. Раздраженная бурным восторгом дочери, она равнодушно взглянула на кровать и остальные вещи, потом на меня.

– Это все тебе тетя прислала. Непонятно, кто ей про нас рассказал. Вчера я говорила с ней по телефону в погребке у Эрнесто: синьора Адальджиза позвонила туда и вызвала меня.

Приятная возможность спать на новых свежих матрасах за ширмой в первый же вечер обернулась для нас с Адрианой неприятностями. Мальчишки прятались за створками, окликали нас, а потом пугали внезапными воплями. Они вертели ширму так и сяк, и через неделю в ткани, натянутой на рамы, образовалось множество дырок. Они просовывали голову в отверстия и пронзительно орали. Наш с сестрой маленький отдельный мир разваливался на глазах, мы возмущались и пытались защищаться, но это нас не спасло, а родители ни во что не вмешивались.

Многие годы меня растили как единственного ребенка и не научили защищаться. Я страдала от гнева и бессилия. Завидев Серджо, я молча осыпала его проклятиями; странно, что его до сих пор не поразила молния.

Только Винченцо не участвовал в оскорбительных выходках братьев, а когда уставал от поднятого ими шума, прикрикивал на них, требуя уgomониться. После того как мы вынесли в сарай испорченную ширму, он подолгу рассматривал меня, мое тело, вечером и утром, в момент пробуждения, словно соскучился по мне за предыдущие дни. Мы по-прежнему одевались очень легко: хотя лето уже прошло, стояла жара.

Новая кровать приводила Адриану в восторг, но мы постоянно менялись местами. Она все не могла решить, где ей лучше спать, наверху или внизу. В любой час ночи она могла прийти и свернуться калачиком у меня под боком, и не важно, наверху я спала или внизу. Но поскольку клеенка была только одна, Адриане не понадобилось много времени на то, чтобы описать оба новых матраса.

Вскоре на верхнем этаже двухъярусной кровати умерла посреди ночи моя мама – та, приморская. Она не выглядела измученной болезнью, только седины стало чуть больше, чем прежде. И почему-то выцвела волосатая родинка под

подбородком, напоминая маленькую гусеницу, – побледнела за несколько минут, как будто растворилась в окружающем белесом сумраке. Ее грудь перестала наполняться воздухом, и взгляд остановился.

На похоронах меня сопровождала другая мать. «Беднадальджиза, беднадальджиза», – бубнила она, заламывая руки. Но потом куда-то подевалась: у нее спустились чулки, а в таком виде присутствовать на службе она не могла. Я осталась одна впереди процессии, единственная дочь покойной; за моей спиной маячили неразличимые черные фигуры людей, пришедших на похороны. Мужчины, которые несли гроб, уронили его в свежерытую могилу: он был тяжелый, и веревки перетерлись об острые углы. Видимо, я подошла слишком близко к краю ямы, дерн обвалился у меня под ногами, и я упала вниз, на деревянную крышку. Оглушенная, я так и лежала там неподвижно, и меня, судя по всему, никто не заметил. Священник монотонным голосом раздал благословения, побрызгал святой водой, окропив и меня. Зашуршали лопаты, сбрасывая в могилу рыхлую землю. Я закричала, но меня не услышали. Потом кто-то крепко схватил меня за руки.

– Перестань орать, не то выброшу тебя из окна! – пригрозил Серджо, тряся меня в темноте.

Мне больше не удалось уснуть. Я наблюдала за луной, которая совершила прогулку по ледяному небу и спряталась за стеной.

С тех пор ночные кошмары стали повторяться регулярно. Я ненадолго проваливалась в сон, потом внезапно просыпалась и рывком садилась на кровати, уверенная в том, что случилось несчастье, но какое? Я блуждала наугад по темным закоулкам своей памяти, и однажды в ней внезапно всплыла и стала расти мысль о болезни матери, с наступлением темноты причинявшая мне невыносимые мучения. Днем я хотя бы могла верить, что мать выздоровеет, что я вернусь домой. Но с каждой ночью становилось только хуже, пока мне не приснилась смерть матери.

На этот раз не Адриана пришла ко мне, а я сама к ней спустилась. Не просыпаясь, она подвинула ноги, чтобы я могла улечься как обычно, но мне захотелось положить голову к ней на подушку. Я обняла ее, стараясь успокоиться. Она была такая маленькая и костлявая, и от нее пахло немытыми волосами.

Это ощущение было вытеснено воспоминанием о завитках волос Лидии, по форме похожих на красные цветы на простыне. Лидия, младшая сестра моего дяди карабинера, была слишком молода, чтобы звать ее тетей. Какое-то время мы жили вместе в доме моих родителей, и она неизменно появлялась в моих ранних воспоминаниях. Ее комната располагалась в конце длинного узкого коридора, зато выходила на море. Днем я старалась поскорее сделать уроки, а потом мы с ней слушали песни по радио. Она грустила, думая о человеке, с которым рассталась, и с чувством повторяла строчки из стихотворений о любви, прижав руку к астматической груди. Из городка, где она жила, ее отправили к брату дышать морским воздухом.

Когда мы оставались одни, Лидия надевала мини-юбку и туфли на платформе, которые прятала у себя в шкафу, и включала проигрыватель на полную мощность. Она танцевала в столовой шейк, трясясь всем телом и закрыв глаза. Непонятно, где она этому научилась, ведь с наступлением темноты ей не разрешали выходить из дома, но иногда она, взбунтовавшись, тайком выбиралась на волю через окно на первом этаже. Мне хотелось, чтобы она сидела со мной по вечерам, и в тот момент, когда нужно было ложиться спать, я выдумывала, что у меня ужасно зудит спина, там, где никак не достать. Лидия приходила почесать меня и садилась на кровать. Считала мои позвонки и про каждый из них придумывала историю. Она давала имена наиболее выдающимся из них и, трогая то один, то другой, изображала, как они беседуют между собой, словно старушки на скамейке.

Однажды она откуда-то вернулась и сказала:

– Они меня берут.

Так за несколько лет до возвращения к настоящим родителям я ее потеряла. Случилось это в универмаге. Однажды рано утром мы с ней отправились за покупками, и пока я примеряла рубашку с рыбами и морскими звездами, она спросила у продавщицы, можно ли поговорить с директором. Ее готовы были принять, но чуть позже, и мы стали ждать. Как только Лидии разрешили зайти в простенький офис, она сразу же достала из сумки диплом секретаря и попросила взять ее на работу, на любую зарплату. Она сидела перед письменным столом, а я стояла сбоку, и она время от времени гладила мою руку.

Ее почти сразу взяли на испытательный срок. Однажды вечером она вернулась домой, неся в дрожащих руках униформу: на следующий день она должна была

надеть ее на работу. Она прошлась в ней взад-вперед по гостиной. Белый с синим костюм, крахмальный воротничок и манжеты. Теперь она тоже надела форму, как и ее брат. Она немного покружилась, показывая, как раздувается колоколом юбка. Когда она остановилась и мир вокруг нее перестал вращаться, меня уже не оказалось в комнате: у меня не было сил на нее смотреть.

Она недолго проработала продавцом, потом ее сделали кассиром, а через год – заведующей отделом. Она стала поздно возвращаться домой. Затем ее взяли в центральный офис, за несколько сотен километров от нас, и она переехала. Иногда она писала мне, а я не знала, что ей отвечать. Да, в школе все в порядке, конечно. Патриция, как и раньше, – лучшая подруга. В бассейн хожу, научилась делать кувьрки в воде, но по-прежнему мерзну. Сначала она отправляла мне открытки с достопримечательностями города, где теперь жила, но они вскоре закончились. Рисуя в альбоме, я красила солнце в черный цвет – такое у меня было настроение, – и обеспокоенная учительница позвонила домой и спросила, не умер ли у нас кто-нибудь. В таблице успеваемости у меня почти по всем предметам были десятки: я старательно выполняла все домашние задания, лишь бы заполнить время, освободившееся после отъезда Лидии.

Она приехала в августе на праздники, но я боялась слишком ей радоваться. Мы пошли на наш обычный пляж, и она сгорела, несмотря на кремы, которые приобрела со скидкой для сотрудников. Она здоровалась со старыми знакомыми с фальшивым северным акцентом, словно приезжая. Я испытывала за нее неловкость и начала скучать по прежним временам.

До того, как меня вернули настоящим родителям, я виделась с ней еще раз. Услышала звонок в дверь и открыла: передо мной стояла незнакомка с выпрямленными крашеными волосами, а с ней девочка, цеплявшаяся ручонками за ее ноги, и это была не я.

Лежа в темноте рядом с Адрианой, я представляла себе, что Лидия могла бы спасти меня, может быть, взять с собой на север. Но она переехала в другой город, и я не представляла себе, как ее отыскать. Еще рано было думать о другом варианте спасения.

Они выключили свет и прыгнули в кровать. Когда я входила в комнату, Серджо шикнул на брата, но оба продолжали приглушенно хихикать в подушку. Винченцо ушел из дома днем и до сих пор не вернулся, а Адриана нянчила малыша, держа его на руках. Я разделась в темноте и в напряженной тишине скользнула под одеяло. Моя нога дотронулась до чего-то живого, оно шевелилось и билось, теплое и пушистое. Я услышала свой собственный крик, почувствовала, как в лодыжку меня что-то несколько раз укололо. Не помню, как я добралась до выключателя. Потом повернулась и посмотрела на кровать. Там, семеня лапками, вертелся вокруг своей оси голубь, хлопая одним крылом и пытаясь взлететь. Другое крыло, сломанное, болталось с другого бока. Вся новая простыня была испачкана его экскрементами. Он дополз до края матраса и упал на пол, ударившись грудью.

Братья сидели и громко смеялись, хлопая себя по ляжкам широкими лапами и утирая слезы. Птица и на полу не прекращала попыток подняться в воздух. Серджо наскучило это зрелище, он схватил голубя за здоровое крыло и выкинул в окно. В этот момент я отчетливо поняла, что второе крыло голубю сломал он.

Я подскочила к нему, крикнула, что он чудовище, и расцарапала ему лицо, оставив на щеках глубокие борозды, из которых сразу начала сочиться кровь. Он даже не защищался, не ударил меня, только нарочито громко смеялся, словно пытаясь показать, что мне не по силам причинить ему боль. Другой брат подскакивал на кровати, подражая движениями голубя.

Отец пришел узнать, что происходит. Еще ни в чем не разобравшись, он дал обоим братьям по паре оплеух, и они присмирели. По негласному обычаю отец всегда сам бил мальчишек, во всяком случае после того, как они подросли и у матери уже не хватало сил с ними справляться. Она отвечала за Адриану, почти ежедневно выдавая ей положенную порцию тумачков.

– Мы просто хотели пошутить, – оправдывался Серджо, – она по ночам кричит и будит нас. Вот я и решил: пусть от страха покричит.

На следующий день я помогала складывать выстиранные и просохшие простыни.

– Смотри внимательно, чтоб клоп-вонючка не попал, – сказала мне мать, смахивая с белья жирное зеленое насекомое. – Не знаю почему, но они любят забираться в белье на веревке. – И тут же не принужденно перешла от клопов к

детям: – Второй-то у меня неудачный получился. Старший хоть и убегает, но все же получше.

– Они не хотят, чтобы я жила с вами, вот и мучают меня. Почему мне нельзя уехать обратно? Туда, где я жила раньше?

– Ничего, Серджо потихоньку привыкает. Ты все-таки попытайся не кричать во сне, а то они злятся.

Она замерла на секунду со стопкой белья в руках. Посмотрела мне в глаза – такое редко случалось, – как будто в голове у нее крутилась какая-то мысль.

– А ты помнишь, как мы встретились на свадьбе? Тебе тогда было лет шесть, может, семь.

Она словно хлыстом подстегнула мою память.

– Помню, но смутно. Ты сейчас другая, в обычной одежде. А тогда была очень элегантная, – признала я.

– Ты представить себе не можешь, как я себя ругала за то, что растолстела. В какой-то момент я ужас как разжирела, даже боялась, что одежда лопнет по швам, – улыбнулась она. – Это было в июне, в воскресенье, и молодожены ужасно долго фотографировались, – продолжила она. – Мы страшно проголодались, было уже три часа, а все только начали рассаживаться по местам в ресторане. Я повернулась и увидела тебя, но сама бы не узнала – такая ты стала большая и красивая.

– А кто тебе сказал, что это я?

– Услышала от кого-то. А потом пришла Адальджиза. Она разговаривала с родственниками и не сразу меня заметила. Я окликнула тебя, и ты подняла голову. И стала смотреть на меня, открыв рот, наверное, потому, что из глаз у меня текли слезы.

Сегодня я расспросила бы ее о подробностях той встречи, но тогда мне помешало смущение. Она продолжала говорить, положив стопку белья на стул.

– А Адалджиза как меня увидела, сразу встала между нами – между тобой и мной. Но ты все равно смотрела на меня, выглядывала у нее из-за спины, и личико у тебя было такое любопытное.

Я покосилась на раннюю седую прядь у нее надо лбом – признак того, что она все понимала. Когда меня ей вернули, эта прядь уже терялась среди ранней седины, а вскоре стала совсем незаметна в сплошной белизне.

Тогда, в день свадьбы, я еще ничего не знала. Мои отцы были дальними родственниками, я носила их фамилию. В течение месяца, когда меня постепенно отлучали от груди, две семьи договорились о моей дальнейшей жизни, не подписывая никаких официальных документов, не заботясь о том, какую цену мне придется заплатить за эту неопределенность.

– Я не могла с тобой разговаривать, ведь ты была еще слишком мала, зато я высказала все твоей тете.

– Почему?

– Она обещала, что вы с ней часто будете к нам приезжать, что ты будешь расти у нас на глазах. А вместо этого мы увидели тебя только на семейном празднике, когда приехали к вам в город. – Голос у нее дрогнул, но она взяла себя в руки: – А когда все изменилось, нас никто даже не предупредил.

Я внимательно и напряженно слушала ее рассказ, но не хотела ей верить. В день моего приезда то же самое сказала Адриана, но она еще маленькая – что она понимает?

– Она оправдывалась тем, что ей нужно заботиться о золовке, что она не могла оставлять ее без присмотра, хотя, когда Лидия подошла ко мне поздороваться, она выглядела красивой и совершенно здоровой.

– Лидия болела астмой. Иногда ей вызывали неотложку, – сухо проговорила я.

Она посмотрела на меня и не добавила больше ни слова. Она поняла, на чьей я стороне. Взяла со стула стопку белья и понесла к себе в комнату.

Получив мое письмо, они не ответили на него, но, скорее всего, заключили новое соглашение, не поставив меня в известность. По субботам мать поселковая должна была выдавать мне немного денег, которые присылала мать приморская. Сумма сокращалась, частично оседая у той, которая мне ее выдавала, но, получив деньги, я чувствовала облегчение: моя далекая мать пошла на поправку. И она по-прежнему думает обо мне. Я верила в то, что вместе с деньгами мне передается тепло ее рук, сохранившееся в металлических монетках по сто лир, почти такое же осязаемое, как если бы она прикоснулась ко мне сама.

Свою догадку о том, что родители о чем-то договорились, я обсудила с Адрианой. Мы с ней пошли в закусочную Эрнесто. Я открыла холодильник с мороженым и нырнула в облако ледяного белого пара. Две порции мороженого с добавками: мне – с шоколадной крошкой, Адриане – с вишней. Устроившись за столиком снаружи, мы сосредоточенно поглощали мороженое, напоминая двух старичков, играющих в карты. Я отложила немного денег, а на остаток купила соску для Джузеппе: он их все время терял.

За несколько недель я накопила достаточно, чтобы хватило на автобусные билеты и несколько бутербродов. Когда я рассказала Адриане о своих планах, она испугалась, и тогда я предложила Винченцо поехать с нами. Он докуривал сигарету на маленькой площади перед домом и собирался идти обедать. Винченцо выдыхал дым, закрыв глаза, и казалось, будто он о чем-то размышляет.

– Ну хорошо, – немного удивившись моему предложению, согласился он. – Но дома никто не должен знать, куда мы собрались. Надо убедить их в том, что вы едете со мной работать на ферму. Так они ни о чем не догадаются, – добавил он, бросив мрачный взгляд на окна третьего этажа.

Мы поднялись на рассвете, сели на автобус и поехали в мой город. Адриана никогда прежде не бывала в городах, а Винченцо видел только предместья, по которым его друзья цыгане кочевали со своими аттракционами. Автобус остановился в двух шагах от курортной зоны с пляжем, на котором я проводила каждое лето. Сидя под зонтиком, в тени, мы с мамой, благоухающей кремом для

загара, наблюдали за толпами отдыхающих, которые искали свободное место на огороженном канатами пляже. В те дни, в конце сезона, мы с ней обычно ели виноград, отрывая по ягодке от большой грозди: он заменял нам полдник.

В такой ранний час там еще никого не было. Незнакомая девушка подметала бетонную площадку между тротуаром и входом в бар. Парень, работавший на пляже, открывал зонтики из желтых и зеленых клинышков, и над берегом разносились резкие, как выстрелы, металлические щелчки. Моего зонтика в первом ряду не было, как будто все знали, что он мне не понадобится.

– Эй, что-то тебя давно не видно! Куда ты запропастилась? – окликнул меня парень, когда мы проходили мимо. – И ты исчезла, и твоя мать что-то не появлялась. Уезжали на каникулы? Ладно, сейчас открою твой номер семь.

Моим лежаком давно не пользовались, и при попытке его разложить раздался натужный скрип. Внезапно парень – он был в выцветшей от солнца майке – повернулся и с любопытством посмотрел на двух моих спутников, остановившихся в нескольких метрах от нас. Они резко отличались от обычных посетителей пляжа.

– Это мои родственники, они живут в горах, – тихо сообщила я ему.

Они все равно не услышали бы: их переполняли новые впечатления. Они уселись на берегу, и было видно, что даже Винченцо немного оробел. Небольшие ленивые волны набегали на берег, не пенясь и не шумя. Солнце еще низко стояло над линией горизонта, и на краях волнорезов сидели чайки.

– А вдруг оно выйдет из берегов? Мы тогда умрем? – испуганно спросила Адриана.

Она опасливо наблюдала, как песок просачивается между пальцами ног. Мы переоделись, она натянула купальник, который на нее еле налез, а Винченцо и вовсе остался в обычных трусах. Мы развесили одежду на спицах зонтика, обнаружив там повязку для волос, которую, как мне казалось, я потеряла. А она меня ждала. Я с трудом развязала ее обгрызенными ногтями и положила в сумку. Она служила мне много лет. Когда я была маленькой, мама расчесывала мне волосы, потом надевала эту повязку и нежно брала мое лицо в свои ладони. Она каждое утро садилась на краешек моей кровати, а я слезала на пол и

вставала к ней лицом. Мне очень нравилось, как щетка скользит по голове, как пружинят металлические зубчики.

Сестра не хотела купаться, даже заходить в воду боялась: вдруг море ее затянет, и она утонет? Она села на корточки на сухом месте, прижав подбородок к коленям и разглядывая синеву, плещущуюся перед глазами. Я скользнула под воду и погрузилась в тишину, насколько хватило вдоха, не оставляя следа на поверхности. Затем вынырнула и увидела пляж, где появились любители раннего купания, Адриану, которая, сжавшись в комок, ждала моего возвращения, и Винченцо, который разбежался изо всех сил и нырнул, подняв фонтаны брызг. Он научился плавать, купаясь в реке с друзьями. Он плыл ко мне мощными размашистыми гребками, оставляя за собой полосы пены. Исчез на секунду, когда был уже близко, и поднял меня над водой, просунув шею между моих ног. Я сидела у него на плечах, он держался на поверхности и сплевывал воду. Мы совсем не чувствовали холода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/p-etranantonio_donatella/arminuta

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)